

УДК 356/358(476-15)(091)"1801/1856"(043.3)

DOI 10.52928/2070-1608-2026-77-1-27-30

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕКРУТСКОЙ ОЧЕРЕДИ
У ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (1831 – 1861 гг.)**

канд. ист. наук, доц. Ф.А. НЕКРАШЕВИЧ
(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)

Статья раскрывает особенности формирования рекрутской очереди среди государственных крестьян Витебской губернии Российской империи в 1831 – 1861 гг. Главным отличием несения рекрутской повинности государственными крестьянами по сравнению с помещичьими являлась достаточно строгая регламентация правил формирования рекрутской очереди российским законодательством. Ключевыми факторами на формирование рекрутской очереди, выступали количество рабочих рук в семье, законопослушность, а также материальное положение. Эта система не была совершенна. Для неё было характерно проявление многочисленных нарушений со стороны крестьян и должностных лиц. В целом порядок формирования рекрутской очереди у государственных крестьян был схож с категорией мещан христианского вероисповедания. Подобная система обеспечивала относительно высокий уровень контроля со стороны государства по сравнению с категорией помещичьих крестьян.

Ключевые слова: рекрутская повинность, Российская империя, Витебская губерния, рекрутская очередь, государственные крестьяне, жестокое обращение с крестьянами.

Введение. Ключевым источником пополнения армии и флота Российской империи до 1874 г. была рекрутская повинность. Данная обязанность была возложена на податные социальные группы: мещан и крестьян. Ключевым вопросом, связанным с исполнением рекрутской повинности, был отбор лиц, которые должны были быть призваны на военную службу. Такой отбор происходил при помощи рекрутской очереди. Под этим термином в российском законодательстве понимался порядок взимания рекрутов из семей в тех участках, которые «отправляют рекрутскую повинность натурой»¹. Одной из ключевых категорий населения, дававшей приток новобранцев, являлись государственные крестьяне.

Данная статья посвящена особенностям формирования рекрутской очереди среди государственных крестьян Российской империи на примере Витебской губернии. Эта категория составляла в рассматриваемый период около 20% всего крестьянского населения белорусских губерний [1, с. 31]. Хронологические рамки исследования обусловлены, с одной стороны, введением Рекрутского устава 1831 г. (далее – Устав 1831 г.), с другой – отменой крепостного права в 1861 г., когда правовой статус государственных крестьян стал меняться.

Историографию по теме исследования условно можно разделить на две группы. Во-первых, это исследования, объектом изучения которых являлись государственные крестьяне как отдельная социальная группа² [2, с. 98–108; 3, с. 159–162]. Для этих работ характерно, в основном, схематичное отражение несения рекрутской повинности рассматриваемой категорией населения. Во-вторых, это работы, объектом изучения которых являлась рекрутская повинность как система комплектования вооруженных сил Российской империи³. Тем не менее, в данных исследованиях основное внимание уделено категориям мещан и помещичьих крестьян.

Основная часть. Ключевым вопросом при отбытии рекрутской повинности являлся порядок определения рекрутской очереди. Устав 1831 г. определял единый порядок формирования рекрутской очереди для мещан и государственных крестьян. Ответственность за её ведение лежала на сельских старостах. При этом приговор на отдачу новобранцев на военную службу утверждался на сходе всего сельского общества. Порядок формирования рекрутской очереди можно условно разделить на два этапа: 1) направление на военную службу асоциальных элементов и добровольцев; 2) поставка рекрутов в соответствии правилами формирования рекрутской очереди.

Вполне естественно, что общины крестьян при исполнении рекрутской повинности стремились руководствоваться собственными интересами. Это означало желание отправить на военную службу лиц, в которых общины не нуждались, и сохранить по-возможности рабочие руки в крепких хозяйствах. Устав 1831 г. предоставлял для этого несколько вариантов. Во-первых, ст. 324 давала государственным крестьянам право на основании общественного приговора отдавать вне очереди на военную службу лиц, уличенных в проступках, не подлежащих уголовному наказанию (мелкие кражи, буйство, пьянство и т.д.). Кроме того, сюда же относились бродяги

¹ Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1832 г. – СПб.: Тип. Второго отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1832. – Т. 4: Уставы о повинностях. 1832. – Ст. 13. – С. 8.

² Ляпанов А.В. Государственные крестьяне Владимирской губернии после реформы П.Д. Киселева: 1841-1866 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Владимир, 2005. – Л. 185–189; Меркушин А.В. Государственные крестьяне Пензенской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саранск, 2002. – Л. 164–166.

³ Вакулова Л.Е. Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Тамбов, 2007. – 219 л.; Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Сыктывкар, 2006. – 220 л.

и неплательщики податей⁴. Как правило, крестьяне поступали на военную службу по ст. 324 за многократные проявления аморального образа жизни, что свидетельствовало о невозможности их исправления. Так, крестьяне Полоцкого уезда деревни Трубок Мартин Григорьев и деревни Люнницы Федор Никитин в январе 1841 г. были отданы в рекруты по общественному приговору. Проступки этих лиц заключались в следующем: «пьянство, растрата оставшегося после родителей имущества, бросили хлебопашество»⁵. Полоцкое окружное управление государственных имуществ в марте 1844 г. направило в рекруты крестьянина Мартина Иванова «за пьянство, буйство, растрату своего имущества, разорение своего хозяйства»⁶.

Практика рекрутских наборов Витебской губернии показывает, что сельские общества порой отдавали в рекруты лиц, совершавших и уголовные преступления. Например, в марте 1844 г. общество Велижского уезда имения Вязмень направило на военную службу крестьянина Родиона Филиппова. Помимо «пьянства, воровства сапог и съестных припасов», он сознался в совершении конокрадства в ночное время. Несмотря на совершение уголовного преступления, Р. Филиппов был отдан в рекруты по приговору общества (а не уголовного суда)⁷. Вполне естественно, что общины были заинтересованы в массовой сдаче на военную службу подобной категории населения. Это помогало очистить общество от асоциальных элементов и сохранить рабочие руки. Кроме того, подобная политика вела к уменьшению числа преступлений, связанных с уклонением от военной службы. Порой встречались ситуации, когда сдача в рекруты вне очереди приобретала массовый характер. Например, в сентябре 1841 г. общество Езерийского казенного имения Себежского уезда направило в рекрутское присутствие за «дурное поведение» 49 крестьян⁸. Возможно, столь массовая отдача в рекруты была обусловлена неповиновением крестьян администрации имения.

Помимо нарушителей закона и трудовой дисциплины, вне очереди на военную службу за денежное вознаграждение поступали добровольцы (так называемые «охотники»). Семья или общество могли заменить рекрута путем найма другого лица из числа государственных крестьян. При этом нельзя было идти в «охотники» без согласия родителей. Категорически запрещалось нанимать в рекруты людей, чьи семьи стояли на рекрутской очереди при следующем наборе⁹. Все эти ограничения делали найм достаточно трудным мероприятием. Подобную процедуру, стоимость которой достигала нескольких сотен рублей, могли позволить себе лишь состоятельные семьи. Соответственно, институт найма «охотников» являлся средством защиты зажиточных семейств от военной службы.

После отдачи на военную службу асоциальных элементов и «охотников» наступал черед крупных семейств. Семьи с наибольшим числом рабочих рук поставляли рекрутов в первую очередь. За ними следовали семьи с меньшим числом рабочих рук. При этом большие семьи (более четырех работников), уже давшие новобранца, освобождались от поставки второго рекрута, пока таковых не поставят все семейства, имевшие в два раза меньше работников. Рекрутская очередь заканчивалась на семействах с двумя рабочими в семье и затем начиналась заново. На очереди не состояли семейства, имевшие только одного рабочего в семье¹⁰. Вполне естественно, что в уклонении от военной службы были заинтересованы в первую очередь члены больших семейств. Наиболее распространенными способами избежать военной службы являлись бегство, членовредительство, а также фиктивный раздел семейств.

Бегство было наиболее простым способом уклонения от военной службы: на период проведения набора необходимо было скрыться от местной администрации. Общество, ввиду отсутствия беглеца, вынуждено было назначать в рекруты следующего за ним по очереди. Подобные отлучки крестьян могли продолжаться годами. Например, крестьянин Ситнянского староства Степан Лазарев три года находился в бегах, работая в услужении у одного из купцов в г. Режице¹¹. Подобные ситуации вызывали справедливое возмущение других семейств. Для борьбы с беглецами общество могло обращаться в полицию, а также создавать собственные команды из крестьян для поиска уклонистов. Устав 1831 г. предусматривал возможность замены уже отданных в рекруты лиц пойманными беглецами. Так, в апреле 1851 г. Обольское общество Городокского уезда предоставило в рекрутское присутствие четырех пойманных крестьян. Общество ходатайствовало о замене поступившими по рекрутскому набору 1850 г. четырех крестьян, которые вынуждены были пойти на военную службу из-за пойманных беглецов¹². Подобный процесс возвращения с военной службы, как правило, занимал достаточно долгое время. Например, поступивший по набору 1852 г. крестьянин Лукьян Стефанов в марте 1853 г. получил надежду на возвращение домой после поимки беглеца Василия Исакова. Тем не менее, после долгой переписки витебского губернского правления и соблюдения всех бюрократических процедур возвращение состоялось только в ноябре – декабре 1853 г.¹³

Иным вариантом уклонения от рекрутчины являлся незаконный раздел семейств. Указанный выше порядок формирования рекрутской очереди предусматривал отдачу новобранцев в первую очередь из больших семейств.

⁴ См. сноску № 1. – Ст. 324. – С. 84–85.

⁵ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9054. – Л. 8–8а.

⁶ НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 11156. – Л. 1–1об.

⁷ НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 11157. – Л. 1об.

⁸ НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9335. – Л. 1–2.

⁹ Вакулова Л.Е. Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в. – С. 129–130.

¹⁰ См. сноску № 1. – Ст. 91–96. – С. 27–31.

¹¹ НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8193. – Л. 1–3.

¹² НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 21943. – Л. 2–2 об.

¹³ НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 25562. – Л. 1–2, 5, 9.

Очевидно, что раздел одного достаточно большого семейства на два помогал законно «отодвинуть» их в конец рекрутской очереди. Государство прекрасно понимало возможности подобной лазейки, поэтому разделы строго регламентировались законом. В случае совершения самовольных разделов предписывалось все равно считать два новых семейства за одно большое¹⁴. Тем не менее, крестьяне активно пытались использовать разделы как инструмент уклонения от военной службы. Например, в марте 1854 г. крестьянка Елена Пузына жаловалась на имя витебского гражданского губернатора Е.С. Теличеева на незаконную отдачу на военную службу своего сына Григория. Просительница настаивала, что сын являлся единственным работником у своего дяди Василия Парфенова. Данный раздел не был официально оформлен, и жалоба была отклонена¹⁵.

Наконец, нередкими были случаи совершения членовредительства государственными крестьянами. Подобный способ подразумевал нанесение себе повреждения, несовместимого с несением военной службы. Как правило, крестьяне отрубали себе пальцы рук, что делало невозможным владение огнестрельным оружием. В случае совершения подобных действий, виновного ждало наказание. Если до совершения умышленного повреждения членовредитель был годен к военной службе, общество получало зачет за подобное лицо¹⁶. При этом обществу требовалось соблюсти процедуру доказательства нанесения умышленного вреда в установленные законом сроки. В противном случае, зачет аннулировался. Так, в августе 1844 г. общество казенного имения Заболотье деревни Залесье Лепельского уезда пыталось получить зачет за своих крестьян-членовредителей Адама Романова и Степана Шелеха. При этом крестьяне общества не соблюли вовремя указанную законом процедуру доказательства. В связи с этим, зачет за указанных лиц получен не был¹⁷.

Вплоть до конца 1830-х рекрутские очереди формировались на основе очередной системы. Тем не менее, с 1838 г. по инициативе правительства начинается постепенное внедрение жеребьевой системы среди государственных крестьян. После отмены крепостного права в 1861 г. сельские общины получили право самостоятельно выбирать между очередным и жеребьевым порядком формирования рекрутской очереди. Причинами подобного устремления правительства стали недостатки очередной системы. Во-первых, так как учет семейств велся самими общинами, а не государством, создавалось огромное поле для злоупотреблений и коррупции. Во-вторых, общества имели право поставлять в вооруженные силы мужчин в возрасте до 35 лет, что было крайне невыгодно военному ведомству. Армия нуждалась в молодых людях, которые могли прослужить положенный срок в вооруженных силах и потом еще долгое время находиться в резерве. В-третьих, согласно очередной системе, подданные из небольших семейств фактически освобождались от рекрутской повинности [4, с. 57–64].

Во время рекрутского набора власти привлекали к жребию мужчин от 20 – 21 года, разделяя их на три группы, определявшихся по количеству работников в семьях. Молодые люди из первой группы первыми тянули жребий. Если число подходящих рекрутов из этой возрастной группы было недостаточным для необходимой нормы, привлекали к участию в жребию лиц до 25 лет.

Введение системы жребия было воспринято многими крестьянами негативно. Главной проблемой было непонимание принципов формирования очереди и освобождения от рекрутской повинности. Например, система жребия устанавливала, что в семьях, у которых член семьи находится на военной службе, изымается от призыва только следующий за ним по возрасту. В отношении остальных членов семьи никаких отсрочек не предоставлялось¹⁸. Это шло вразрез с традиционными представлениями крестьян о социальной справедливости. Так, крестьянин Фотинского сельского общества Тит Миронов в октябре 1850 г. подавал жалобу на несправедливую отдачу в рекруты своего сына. В 1844 г. его старшего сына Семена забрали на военную службу. Средний сын Данила из-за хронических болезней был неспособен ни к военной службе, ни к полноценному ведению хозяйства. По рекрутскому набору 1850 г. на военную службу поступил его младший сын Авлас. Т. Миронов указывал в жалобе, что к вытягиванию жребия не привлекались множество других семейств. При этом проситель не понимал, что по новой системе ведется учет не семей, а лиц, достигших нужного для жребия возраста¹⁹.

Кроме того, новая система давала больше возможностей для отдачи в рекруты одиночек и лиц из небольших семейств. Устав освобождал от несения рекрутской повинности одиночек при условии ведения ими собственного хозяйства или же общего хозяйства с другой семьей. Право считать, кто из одиночек является добросовестным хозяином, а кто лентяем и бездельником, принадлежало сельским старостам, которые вели учет семейных рекрутских списков. Естественно, подобные люди в общинах были крайне уязвимы. Нередкими бывали случаи, когда общество в целях защиты крепких семейств могло пожертвовать одиночками²⁰. Так, в 1852 г. на военную службу попал панцирный боярин Борис Харитонов как одиночка, не имевший собственного хозяйства. При этом сам Б. Харитонов таковым себя не считал и пытался доказать обратное. К несчастью для просителя, при рассмотрении подобных жалоб губернская администрация опиралась на мнение сельским старост²¹.

¹⁴ См. сноску № 1. – Ст. 99. – С. 31.

¹⁵ НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 26823. – Л. 3.

¹⁶ См. сноску № 1. – Ст. 336, прим. 6.

¹⁷ НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 10485. – Л. 2, 3, 10.

¹⁸ Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1857 г. – СПб.: Тип. Второго отд-я Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. – Т. 4: Уставы о повинностях. 1857. – Ст. 907. – С. 224–225.

¹⁹ НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 20508. – Л. 3–4.

²⁰ См. сноску № 18. – Ст. 894, 906. – С. 220, 224.

²¹ НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 25580. – Л. 5, 8.

Заключение. Таким образом, система формирования рекрутской очереди государственных крестьян белорусских губерний была схожа с аналогичной системой у мещанского населения Российской империи. Характерными чертами подобной системы являлись: достаточно подробная регламентация правил формирования очереди в соответствии с Уставом 1831 г., возложение ответственности учета рекрутских списков на сельских старост, а также наличие системы контроля со стороны сельских обществ и чиновников Министерства государственных имуществ. Данная система не обеспечивала достижения абсолютной законности при отборе новобранцев для вооруженных сил государства. Нарушения со стороны сельских старост были связаны с жадностью личного обогащения. Нарушения со стороны крестьян были вызваны стремлением уклониться от рекрутской повинности путем побегов, членовредительства и раздела семейств. Кроме того, сельские общества, как правило, отстаивали интересы зажиточных и крепких хозяйства в ущерб интересов одиночек и бедных семейств. Тем не менее, в сравнении с рекрутскими участками помещичьих крестьян, подобная система обеспечивала гораздо больший уровень законности благодаря наличию системы контроля со стороны государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сосна У.А. Фарміраванне саслоўнага складу сялянства Беларусі у канцы XIX ст. – Мінск: БДУ. – 155 с.
2. Конюхова Т.А. Государственная деревня Литвы и реформа П.Д. Киселева. – М.: изд-во Моск. гос. ун-та, 1975. – 251 с.
3. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: в 2 т. – М.: изд-во Академии наук СССР, 1958. – Т. 2. – 617 с.
4. Некрашевич Ф.А. Эволюция принципов формирования рекрутской очереди в белорусских губерниях Российской империи (1794 – 1874 гг.) // Науч. тр. республиканского института высшей школы: Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. – Минск, 2025. – № 25. – Ч. 2. – С. 57–64.

Поступила 28.09.2025

FEATURES OF THE FORMATION OF A RECRUITMENT QUEUE AMONG STATE PEASANTS USING THE EXAMPLE OF VITEBSK PROVINCE (1831–1861)

F. NEKRASHEVICH

(Academy of the Ministry of Internal Affairs, Minsk)

This article explores the specifics of recruitment among state peasants in the Vitebsk Governorate of the Russian Empire from 1831 to 1861. The main difference between state peasants' recruitment obligations and those of landowners' peasants was the rather strict regulation of recruitment queue formation by Russian law. Key factors influencing the formation of the recruitment queue included the number of workers in the family, law-abidingness, and financial situation. This system was not perfect. It was characterized by numerous violations by peasants and officials. Overall, the recruitment queue formation procedure for state peasants was similar to that of Christian bourgeois. This system ensured a relatively high level of state control compared to that of landowner peasants.

Keywords: *conscription, Russian Empire, Vitebsk province, recruitment queue, state peasants, cruel treatment of peasants.*